

А.И. Никитский

**К вопросу о мерах в древней
Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.И. Никитский**
К вопросу о мерах в древней Руси / А.И. Никитский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-9716-1

ISBN 978-5-4241-9716-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ныя данныя не оправдываютъ ни одного изъ этихъ рискованныхъ результатовъ. Напротивъ, онѣ даютъ полное основаніе думать, что кадь или оковъ, какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ, была значительно меньше. Описывая голодъ въ правленіе царя Бориса, псковская лѣтопись говоритъ, что въ 1602 году покупали четверть ржи по 2 рубля, а въ 1603 году даже по 3, и къ полнѣйшему разъясненію бѣдствія прибавляетъ, что самая четверть, которою продавался хлѣбъ, была старая, въ сравненіи съ господствовавшею въ XVII столѣтіи вдвое меньшая или полумѣра ¹⁾). Обычной четвертью XVII столѣтія или нынѣшней, какъ называется ее лѣтописецъ, была четверть, вошедшая въ практику въ самомъ началѣ того же вѣка. Что же касается старой четверти, которою еще продавали хлѣбъ во время голода, то уже à priori можно было бы предположить, что подъ этимъ именемъ нужно разумѣть не что иное, какъ четверть, которая составляла подраздѣленіе древней кади или окова. Но и положительныя свидѣтельства источниковъ самымъ категорическимъ образомъ говорятъ въ пользу того же заключенія. Описывая тотъ же самый голодъ, новгородская лѣтопись подъ 1599 годомъ называетъ эту четверть именно четвертью кади, говоря, что въ это время „покупали ржи четверть кади по три рубли и выше“ ²⁾). Какъ извѣстно, четвертей въ кади или оковѣ было четыре; поэтому, если одна древняя четверть равнялась половинѣ четверти XVII столѣтія, то всѣ четыре четверти, или цѣлый оковъ, будутъ составлять не болѣе, не менѣе, какъ двѣ позднѣйшія четверти. А такъ какъ, какъ мы увидимъ впоследствии, позднѣйшая четверть равнялась для ржи 6 московскимъ пудамъ, то цѣлый оковъ, заключавшій въ себѣ двѣ четверти, будетъ равняться 12 пудамъ. Результатъ этотъ не можетъ, однако, считаться вполне точнымъ. Тотъ же псковскій лѣтописецъ, касаясь при другомъ случаѣ размѣра старой четверти, говоритъ, что она была мало больше осмака или осмины ³⁾). Осмина въ системѣ XVII столѣтія заключала въ себѣ по вѣсу ржи 3 московскіе пуда; положивъ теперь для четверти, какъ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 821, 1601: „во 110 году купили ржи четверть по 2 рубли... а четверть была старая невелика, противъ нынѣшней вдвое менши, полумѣра... да въ 111 году купили рожь по 3 рубли четверть“.

²⁾ Новг. лѣт., изд. Арх. Ком., стр. 459, 1599: „былъ гладъ великъ въ Московскомъ государствѣ по три лѣта и покупали ржи четверть кади по три рубли и выше“.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 830, 1612: „А хлѣбъ во Псковѣ дорогъ былъ, по 30 алтынѣ четвертина, а четвертина мала была, мало болши осмака“.

величины немного ббльшей, вѣсъ въ $3\frac{1}{2}$ пуда, мы получимъ для кади или окова вѣсъ въ 14 пудовъ. Такимъ образомъ древняя система будетъ имѣть слѣдующій видъ:

кадь или оковъ = 4 четвертямъ = 8 осминамъ = 14 московскимъ пуд.

1 четверть = 2 осминамъ = $3\frac{1}{2}$ пудамъ.

1 осмина = $1\frac{3}{4}$ пуда.

Въ восточной Руси въ теченіе всего княжескаго періода система мѣры сыпучихъ тѣлъ оставалась одною и тою же; между тѣмъ, въ теченіе того же періода, въ сѣверо-западномъ краю, сообразно съ развитіемъ мѣстной самобытности, возникаютъ мѣстные особенности и въ системѣ мѣры и разнообразятся еще къ тому же по отдѣльнымъ областямъ. Мѣстные мѣры являются не только въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, но и въ отдѣльныхъ областяхъ перваго, какъ, напримѣръ, на Двинѣ. Въ развитіи мѣръ самого Великаго Новгорода въ теченіе княжескаго періода замѣчаются два особенные отдѣла, границу между которыми составляетъ предположительно начало XV столѣтія. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ, простирающемся до XV столѣтія, въ Новгородѣ господствовали общія съ остальной Русью мѣры сыпучихъ тѣлъ, а именно кадь съ ея подраздѣленіями. Изъ нихъ специально упоминаются памятниками кадь, четвертая часть кади и осминка, послѣдняя иногда съ эпитетомъ „великая“ (большая); но соединялась ли съ этимъ послѣднимъ названіемъ какая либо особенность въ размѣрѣ осминки, рѣшить нельзя ¹⁾. Что же касается до втораго отдѣла, обнимающаго собою вѣка XV и XVI, то тамъ мѣсто общерусскихъ мѣръ занимаетъ мѣстная, чисто новгородская. Мѣрою этою и была именно коробья. Коробья, какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ, а именно хлѣба, имѣетъ большое значеніе не только въ новгородской, но и вообще въ древне-русской исторіи. Съ одной стороны, она является чуть ли не единственнымъ средствомъ къ опредѣленію исковской и двинской системъ мѣры, которыя стоятъ довольно уединенно. Съ другой же—и это главное—въ этой мѣрѣ и ея подраздѣленіяхъ дошли до насъ главнѣйшія данныя, касающіяся быта русскихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ въ концѣ XV столѣтія. Поэтому обстоятельное ознакомленіе съ ней крайне необходимо. Ко-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 5, 1128. „лѣтъ бѣше: осминька ржи по гривнѣ бѣше“. Тамъ же, III, 8, 1137: „и стоя все лѣто осминька великая по 7 рѣзанъ“. Тамъ же, III, 13, 1161: „и купляхомъ кадку малую по 7 кунъ“. Тамъ же, III, 47, 1230: „а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра“.

робья, какъ мѣра, извѣстна намъ уже вполне сформировавшеюся. Но, повидимому, и она имѣла свое развитіе, свою исторію. О коробѣ впервые въ источникахъ упоминается въ половинѣ XV столѣтія и при томъ съ отличіемъ отъ коробы „старой“¹⁾. Обстоятельство это важно въ томъ отношеніи, что, имѣя его въ виду, мы должны признать коробью, бывшую первоначально въ употребленіи въ Новгородѣ, отличною, можно даже сказать, ббльшею той, которая господствовала въ половинѣ XV столѣтія и послѣ и которая собственно составляетъ предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Къ сожалѣнію, чѣмъ существеннѣе для насъ обладаніе точнымъ понятіемъ о величинѣ коробы, тѣмъ скуднѣе свѣдѣнія, которыя даютъ о ней наши историки. Насчетъ внутренняго расчлененія этой единицы времени высказываются весьма странныя мнѣнія. Г. Костомаровъ, напримѣръ, сообщаетъ, что коробья подраздѣлялась на зобни: каждый коробъ имѣлъ три зобни, зобень два ползобни²⁾. Почтенный изслѣдователь не высказываетъ соображеній, которыя привели его къ такому заключенію. Можно, однако, догадываться, что поводомъ къ нему послужили данныя, относящіяся къ двинскимъ владѣніямъ Великаго Новгорода и при томъ въ позднѣйшемъ, московскомъ періодѣ ихъ существованія. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи сѣверныхъ новгородскихъ владѣній, Онеги, Двины, мы встрѣчаемъ въ XVI столѣтіи опредѣленія цѣны коробы овса въ 6 денегъ, а зобни—въ 2 деньги, обстоятельство, позволяющее думать, что коробья заключала въ себѣ 3 зобни, а слѣдовательно, и 6 ползобней³⁾. Но въ самомъ Новгородѣ было, однако, не такъ. Въ ближайшихъ новгородскихъ областяхъ, при одинаковой цѣнѣ коробы овса (6 денегъ), цѣна зобни составляла не двѣ, а только одну деньги, а это заставляетъ видѣть въ зобнѣ не третью, а шестую, если не меньшую, долю коробы⁴⁾. Но главное, на чтѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, это то, что зобня совсѣмъ не составляла подраздѣленія коробы, а входила составной частью въ систему мѣха, имѣвшую мѣсто въ восточной Руси. Мѣхъ въ восточной Руси раздѣлялся на зобни и слѣ-

¹⁾ А. А. Э., I, 24, 1437 или 1456—1462 г.: „а коневого корму (черноборцамъ великаго князя) пять коробей овса въ старую коробью“.

²⁾ Сѣверно-Русск. народопр. вѣстн., II, 238.

³⁾ Русск. Достопаи., I, 126: „а за коробью овса 6 денегъ... за зобню овса 2 денги, а денги за то новгородскія“. То же въ А. А. Э., I, 152, 1536.

⁴⁾ Писц. кн., II, 736, 1497: „за коробью овса 6 денегъ.... за зобню овса денга“.

жиль орудіемъ для измѣренія овса; но и зобня въ Новгородѣ является также только мѣриломъ для овса ¹⁾). Какъ то бы, впрочемъ, ни было, дѣйствительное подраздѣленіе коробыи было во всякомъ случаѣ совершенно иное. Коробыя дѣлилась именно на четверти (четвертки, четки) и четверники. Кроме того, какъ самостоятельныя дѣленія, упоминаются полукоробыи, получетки, получетверники. Значеніе самостоятельныхъ подраздѣленій коробыи можно опредѣлить уже по самымъ ихъ названіямъ. Четверть, очевидно, была четвертою частью коробыи, а четверникъ—четвертою частью четверти или четки. Но и данныя памятниковъ говорятъ согласно въ пользу того же заключенія. Если въ 1535 году за четвертку ржи платилось въ Новгородѣ 2 деньги, а за коробью—семь, то, принимая во вниманіе уступку при куплѣ оптомъ, мы найдемъ, что четвертка была $\frac{1}{4}$ коробыи ²⁾). Въ писцовыхъ же книгахъ конца XV столѣтія 4 четки даже прямо уравнены съ коробьюю ³⁾). Тотъ же памятникъ даетъ намъ возможность опредѣлить точно и отношеніе четверника, уравнивая $4\frac{1}{2}$ четки безъ 1-го четверника съ коробьюю и однимъ четверникомъ ⁴⁾).

Въ самомъ дѣлѣ если

$$\begin{aligned} 4\frac{1}{2} \text{ четки} & - 1 \text{ четверникъ} = 1 \text{ коробья} + 1 \text{ четверн.}, \text{ то} \\ \frac{1}{2} \text{ четки} & - 1 \text{ четверникъ} = 1 \text{ четвернику, или} \\ \frac{1}{2} \text{ четки} & = 2 \text{ четверникамъ, слѣдовательно,} \\ 1 \text{ четка} & = 4 \text{ четверникамъ.} \end{aligned}$$

Такимъ образомъ, подраздѣленіе коробыи будетъ имѣть слѣдующій видъ:

$$\begin{aligned} 1 \text{ коробья} & = 4 \text{ четкамъ} = 16 \text{ четверникамъ} \\ 1 \text{ четка} & = 4 \text{ четверникамъ.} \end{aligned}$$

Опредѣленіе внутреннего расчлененія известной единицы мѣры составлять собственно только половину дѣла, и при томъ далеко не самую важную. Гораздо важнѣе другая половина дѣла, а именно опредѣленіе дѣйствительной виѣстимости коробыи. Относительно этого послѣдняго вопроса данныя историковъ не особенно поучительны.

¹⁾ А. И., I, 198, 1536: „за мѣхъ овса 8 денегъ“...; 199: „за зобню овса 2 денга“. То же въ А. А. Э., I, 156, 1537.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 295, 1535: „купили хлѣбъ по 2 денга новгородскую четвертку ржи, а коробьюю по 7 денегъ“.

³⁾ Писц. кн., II, 626—627.

⁴⁾ Писц. кн., II, 841—843.

Сказавши, что „каждый коробъ имѣлъ три зобня, зобень — два ползобня“, г. Костомаровъ на томъ и успокоился. Аристовъ, правда, идетъ дальше и уравниваетъ коробью съ древней четвертью, которая въ то же время оказывается и нашею новѣйшею. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что соображеніе Аристова—чистый вымыселъ, лишенный всякой фактической подкладки. Но если въ такомъ существенномъ дѣлѣ историки оставляютъ насъ совершенно на произволъ судьбы, то неожиданно мы получаемъ помощь отъ историковъ-юристовъ, которые, по характеру своихъ изысканій, не могли довольствоваться однимъ призракомъ знанія, а необходимо должны были имѣть настоящее понятіе о дѣйствительномъ содержаніи древне-русскихъ мѣръ. Изъ нихъ Бѣляевъ впервые, кажется, высказалъ мнѣніе, что коробья была поземельною мѣрою и заключала въ себѣ двѣ старинныя четверти, равняющіяся десятинѣ¹⁾. Какъ опытъ пристрастившаго, поземельнаго опредѣленія коробьи, мнѣніе г. Бѣяева совершенно вѣрно. Источники дѣйствительно уравниваютъ коробью въ смыслѣ поземельной единицы съ двумя четвертями пашни; извѣстно также, что двѣ четверти пашни составляли въ древности десятину²⁾. Но при всей справедливости, мнѣніе Бѣяева имѣетъ и свою слабую сторону. Слабая сторона его заключается въ томъ, что имъ опредѣляется не первоначальная, а производная величина коробьи; первоначальная же безъ дальнѣйшаго изслѣдованія остается по прежнему неизвѣстною: мы знаемъ, какое пространство земли подразумѣвалось подъ коробьей, но не знаемъ, сколько въ коробѣ помѣщалось зерна. Недостатокъ этотъ пытался восполнить, опираясь на добытые Бѣяевымъ результаты, г. Соколовскій, но нельзя сказать, чтобы удачно. Г. Соколовскій высказываетъ именно убѣжденіе, что коробья всего вѣроятнѣе равнялась нашей четверти, а древняя четка, какъ четверть короба, составляла на нашу мѣру два четверика. Основаніе, на которомъ зиждется это убѣжденіе, заключается единственно въ томъ, что коробъ, какъ земельная мѣра, равнялся десятинѣ, а такъ какъ на десятину въ настоящее время высѣвается около четверти, то коробья, какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ, должна вмѣщать въ себѣ

¹⁾ *Врем. Моск. Общ. Ист. и Др.*, XI, 64.

²⁾ *Зап. Русск. Географ. Общ.*, III, стр. 74, 1581—1582 г.: „пашни паханые помѣщиковъ и крестьянскіе 32 коробы съ полужоробью, а четвертные пашни 65 четк“... *Рус. Ист. Библ.*, 96, 1573: „по старому писму 2 обжы, а по новой мѣрѣ 10 десятинь, четвертные пашнѣ 20 четвертей въ поли, а въ дву потомужь“...

ровно столько же, какъ и наша четверть ¹⁾). Не трудно, однако, усмотрѣть, что способъ заключенія здѣсь не совершенно точенъ. Коробья только въ томъ случаѣ могла быть признана равнозначительною съ нашей четвертью, когда бы мы имѣли нѣкоторую увѣренность, что въ древности на десятину высѣвалось столько же хлѣба, какъ и нынѣ. А такой увѣренности г. Соколовскій въ насъ ничѣмъ не вселяетъ.

Не давая отвѣта на вопросъ о вмѣстимости коробки какъ мѣры сыпучихъ тѣлъ, соображеніе Бѣляева тѣмъ не менѣе важно въ томъ отношеніи, что оно указываетъ намъ путь къ разрѣшенію этого вопроса. Равенство коробки, какъ поземельной мѣры, съ двумя четвертями пашни даетъ нѣкоторое право предполагать, что коробка и въ качествѣ мѣры сыпучихъ тѣлъ, отъ которой получила свое начало поземельная мѣра, также соответствовала двумъ четвертямъ XVI вѣка. Такое предположеніе уже само по себѣ вѣроятно; но оно становится несомнѣннымъ въ виду прямыхъ документальныхъ данныхъ. Стремясь къ объединенію государства, московское правительство старалось осуществить вездѣ и единство мѣры, важное и для него самого въ хозяйственномъ отношеніи, и въ этихъ видахъ разсылало казенныя мѣры повсюду, между прочимъ и въ Великій Новгородъ. При этомъ, естественно, дѣло не могло обойтись безъ того, чтобы временами не явилась необходимость опредѣлить отношеніе новой мѣры къ старой, мѣстной, даже сдѣлать переводъ съ одной мѣры на другую. Такіе случаи, дѣйствительно, есть. Одинъ юридическій актъ сообщаетъ намъ, что въ 1588 году трое крестьянъ заняли безъ росту (безъ процентовъ) у ключника Вяжицкаго монастыря изъ монастырскаго хлѣба коробью въ новую мѣру, то-есть, нѣкоторое количество московскихъ четвертей, по вмѣстимости соответствовавшихъ новгородской коробьѣ ²⁾). По прошествіи опредѣленнаго срока, одинъ изъ должниковъ исправно заплатилъ свою треть, и это обстоятельство отмѣчено на обратной сторонѣ того же юридическаго акта. Треть долга составляла осмину съ третникомъ ³⁾). Но если треть долга

¹⁾ Очеркъ исторіи сельской общины, стр. 17.

²⁾ А. Ю., 267, 1588: „Се язъ Кузма Оонасъевъ сынъ, да язъ... да язъ... заняли есмь у ключника... Вежицкаго монастыря домовнаго хлѣба коробью овса въ новую миру (то-есть, мѣру) отъ Петрова дни да до Покрова св. Богородицы, до того срока безъ росту“.

³⁾ А. Ю., 267, 1588: „По сей кабалы Кузма свою треть овса заплатилъ. осмину съ третникомъ“.

ныхъ единицахъ дошли до насъ не ранѣе, какъ отъ XVI столѣтія; но есть вѣроятность думать, что онѣ были извѣстны какъ на Руси вообще, такъ и въ Новгородѣ, и раньше этого вѣка. Какъ то бы ни было, только въ XVI столѣтіи къ числу обычныхъ единицъ, которыми распространялась соль, а за нею временами и рожь, были рогозина или рогожа, мѣхъ и пошевѣ. Изъ нихъ по памятникамъ строго можетъ быть опредѣленъ вѣсъ одной только рогозины. Последняя принадлежала къ числу громоздкихъ единицъ и заключала въ себѣ 24 или 18 московскихъ пудовъ соли. Въ самомъ дѣлѣ, изъ челобитной балахонцевъ 1623 года видно, что на Поволжья пять рогожъ балахонской соли вѣсило 121 пудъ, что на одну рогожу даетъ $24\frac{1}{5}$ моск. пуда или круглымъ числомъ 24 ¹). Подобнымъ образомъ, если дощаникъ, вмѣщавшій въ себѣ 129 рогозинъ, содержалъ въ себѣ въ 1568 году соли $3080\frac{1}{4}$ моск. пудовъ, отсюда также слѣдуетъ, что на одну рогозину приходилось $23\frac{113}{129}$ моск. пуда или также 24 ²). Однакоже часто рогозина содержала въ себѣ и 18 московскихъ пудовъ. Такъ, напримѣръ, памятникъ конца XVII столѣтія опредѣляетъ вѣсъ 30 рогозинъ въ 540 моск. пудовъ, а это даетъ на рогозину ровно 18 пудовъ ³). Подобнымъ образомъ другой памятникъ отъ конца XVI вѣка уравниваетъ вѣсъ 45 рогожъ соли съ 800 моск. пудовъ, а это въ свою очередь даетъ на рогозину $17\frac{35}{45}$ пуд. или круглымъ числомъ также 18 моск. пудовъ ⁴). Въ сравненіи съ рогозиной соли рогозина ржи, естественно, будетъ по вѣсу на столько меньше, на сколько удѣльный вѣсъ ржи будетъ меньше удѣльнаго вѣса соли. А такъ какъ извѣстно, что соль круглымъ числомъ вдвое тяжелѣе ржи, то вѣсъ рогозины ржи будетъ составлять не болѣе, не менѣе, какъ 12 или 9 московскихъ пудовъ. Что же касается до другихъ обычныхъ единицъ, то размѣръ ихъ мало извѣстенъ. О вѣсѣ мѣха соли, однако, можно догадываться. Намъ извѣстно уже, что

¹) Шуйскіе акты, 41—42, 1623: „взялъ у насъ тотъ воевода Теремино въ Шугъ 5 рогожъ соли Балахины, а въ нихъ вѣсомъ 121 пудъ, а всякой пудъ по 4 алтына съ денгою“. Доп. къ А. Н. IX, 247.

²) *Амеросій*, Ист. Р. Іер., VI, 1 ч., 429, 1568: „дощаникъ красные соли моря а рогозинъ въ немъ 130 безъ рогожи... а красные соли и моря 3060 пудъ с четвертью“.

³) *Изв. Арх. Общ.*, IV, 352, 1690: „соли (во Владимірѣ) 30 рогожъ, вѣсомъ въ нихъ 540, цѣна за пудъ по гривнѣ, итого 54 рубля“.

⁴) *Амеросій*, Ист. Р. Іер., VI, ч. 1, 490, 1568: „полпятадесять рогожъ сол Тотмы... а соли въ нихъ 800“.

дошаникъ на сѣверѣ выносилъ на себѣ до 4000 пудовъ тяжести. Теперь, если мы знаемъ, что на 9 дошаниковъ при полномъ вѣсѣ помѣщалось 5000 и болѣе мѣховъ соли, то отсюда мы можемъ заключить, что 5000 мѣховъ равнялись 36.000 москов. пудовъ, а одинъ мѣхъ содержалъ въ себѣ $7\frac{1}{5}$ пуда. А такъ какъ на 9 дошаниковъ полагалось и болѣе 5000 мѣховъ, то одинъ мѣхъ можно принять равно въ 7 пудовъ вѣса ¹⁾. Съ этимъ результатомъ совпадаетъ и размѣръ мѣховъ соли, которые привозились въ Новгородъ съ Запада, изъ Европы. вмѣсто первоначальной величины въ 10 пудовъ, и тѣ въ половинѣ XV столѣтія заключали въ себѣ не болѣе 7 пудовъ соли. Третья же обычная единица, пошевъ, имѣвшая ближайшее отношеніе къ Старой Русѣ (русскій пошевъ), за недостаткомъ данныхъ опредѣлена быть не можетъ. Нѣкоторое понятіе о пошевѣ можетъ дать слѣдующій фактъ. Извѣстно, что 6 пошевовъ икры вѣсили въ Архангельскѣ $61\frac{1}{4}$ пуда; одинъ, слѣдовательно, 10 пудовъ. Предполагая соль въ полтора раза слишкомъ тяжелѣе икры, получимъ для пошева соли вѣсъ отъ 15 до 18 пудовъ ²⁾. Изъ мелкихъ единицъ, которыми въ Новгородѣ мѣрялась соль, извѣстенъ по имени бѣкаръ ³⁾.

Какъ мы уже сказали, Великій Новгородъ не только самъ имѣлъ свою особенную систему мѣры сыпучихъ тѣлъ, но и его владѣнія представляли въ этомъ отношеніи свои областныя особенности. Такъ, образуя отдѣльное, не лишенное мѣстныхъ отличій, цѣлое, Двинскія владѣнія Новгорода располагали и своею особою мѣрою сыпучихъ тѣлъ. Мѣрою этой былъ пузь. Г. Костомаровъ полагаетъ, что это была глазомѣрная единица, болѣе, впрочемъ, массивная, чѣмъ коробья ⁴⁾. Почтенный изслѣдователь, однако, заблуждается и тутъ. Намъ нечего, впрочемъ, долго останавливаться на мнѣніи, что пузь былъ глазомѣрной единицей. Самъ г. Костомаровъ въ сочиненіи „Торговля Московскаго государства“, вышедшемъ за годъ до его исторіи Новгорода, заранѣе основательно опровергнувъ для XVI вѣка свое послѣдующее мнѣніе. Тамъ онъ говоритъ именно, что пузь была опредѣленная, а не глазомѣрная единица, ибо существовали пузы, клей-

¹⁾ Д. къ А. Н., V, 341, 1668: „соли пришло съ Кологоръ къ Вологдѣ 9 дошениковъ, не въ полномъ грузу, толко 4018 мѣховъ, а напередъ до сего приходило по 5000 мѣховъ и болши“.

²⁾ Д. къ А. Н., III, 145, 1648: „6 пошевей (въ Архангельскѣ) икры, вѣсу 61 пудъ съ четью“.

³⁾ А. А. Э., I, 24, ок. 1435 г. „....бѣкаръ соли“.

⁴⁾ Сѣв.-Рус. народоправства, II, 238.

менные таможенными печатями, чтобы сохранить узаконенную пропорцію ¹⁾. Затѣмъ, пузъ не только не былъ массивнѣе коробы, но и представлялъ въ сравненіи съ послѣдней довольно незначительную величину. Въ одной заемной половины XVI столѣтія мы читаемъ, что четверо великокняжескихъ крестьянъ заявили солидарно у ключника полторы коробы ржи съ обязанностью уплатить ссуду вмѣстѣ съ процентами „на четыре пятое зерно“, въ извѣстный срокъ ²⁾. Какъ показываетъ обратная сторона акта, долгъ, согласно уговору, былъ уплоченъ за всѣхъ двумя крестьянами, изъ которыхъ каждый внесъ по 2¹/₂ пуза. Предположивши, согласно съ издателемъ, что встречающееся на оборотной сторонѣ выраженіе „пузъ ржи“ обозначаетъ еще не очищенную уплатой часть долга, и отнесши ее, хотя и не совсемъ точно, на возмѣщеніе процентовъ, мы получимъ, что чистый долгъ, соответствовавшій полуторѣ коробѣ, равнялся 5 пузамъ ³⁾. А такъ какъ 1¹/₂ коробы вѣсило 10¹/₂ москов. пудовъ, то для одного пуза мы получимъ вѣсъ около 2 московскихъ пудовъ. Вслѣдствіе недостаточной ясности акта результатъ этотъ не можетъ считаться исполнѣ точнымъ. Но въ приблизительной вѣрности его не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ одной духовной половины XVII столѣтія завѣщатель, между другими распоряженіями, обязываетъ свою жену-наслѣдницу уплатить нѣкому Никитѣ Артемьеву четверть да 2 пуза овса; а на оборотѣ того-же акта кредиторъ Никита Артемьевъ далъ собственноручную росписку въ томъ, что онъ отъ жены завѣщателя получилъ 6 пузовъ овса ⁴⁾. Но если

6 пуз. = 1 четверти + 2 пуза, то

¹⁾ Очеркъ торговли Московскаго государства, стр. 169.—Рус. Дост., I, 132—133: „А Движномъ... пузовъ своихъ не держати, ни соли въ нихъ не мѣряти; а мѣряти имъ соль въ мой пузъ царя и великаго князя въ Колмогорской (раньше 132: „въ земской пузъ въ Колмогорской“), который за моею печатью у моихъ таможенниковъ“.

²⁾ А. Ю., 262, 1549 г.: „заяли (4 великоки. крестьянъ) есъма у ключника у Исаи домовнаго хлѣба полторы коробы ржи, отъ Спасова дни да до Богородицына дни; а ростъ намъ давати на четыре пятое зерно“.

³⁾ А. Ю., 262, 1549 г.: „На оборотѣ отмѣчено: „Федоръ Ларвионовъ смнѣ заплатилъ полтретя пуза ржи. Да Пахомъ Лутьяновъ заплатилъ полтретя жъ пуза ржи“. Въ концѣ: „пузъ ржи“, *можетъ быть, значитъ: „не доплаченъ“*. Тамъ же, 55—56, 1571: „и язъ Елизаръ порядился на всю десять вервей, а сѣяти мнѣ на нихъ *шесть пузовъ* жита уркомъ“.

⁴⁾ А. Ю., 460, 1656: „да отдати Никитѣ Артемьеву, по кабалѣ, четверти овса да два пуза овса“. Тамъ же, 461: „Никитка Артемьевъ у Ульяны... у покойнаго Максима Акишеева жены, 6 пузовъ овса взялъ“.